

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 137, февраль 2026

Рука, мозг и искусственный интеллект

В предисловии к «Диалектике природы» и в незавершенном эссе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Фридрих Энгельс описывает эволюционный процесс, который привел от *homo erectus* к *homo sapiens*. Текст отличается концептуальной силой своего материалистического метода. Мы выделим из него пять основных понятий.

Во-первых, для Энгельса мозг является продуктом труда. Именно в диалектическом взаимодействии акта и реакции с трудом, который стал возможным благодаря освобождению руки от вертикального положения, на протяжении «сотен тысяч лет» естественного отбора мозг эволюционировал до самых сложных функций и самосознания. В свою очередь, труд является выражением социальных отношений, лежащих в основе экономико-социального развития в последующих способах производства. Таким образом, *мозг*, посредством *руки*, держащей инструмент, *труда*, который связывает его с мозгом других людей, *языка*, необходимого для этих отношений, является социальным продуктом.

Во-вторых, эта взаимосвязь *вертикальное положение-рука-язык-мозг* и роль, которую, следовательно, играет труд в эволюции человека игнорируется современными концепциями - не признается даже самими дарвинистами-эволюционистами, поскольку разделение на классы и разделение между ручным и умственным трудом, в связи последнего с господствующим классом и его аппаратами - школой, церкви, — привело к преобладанию идеалистического подхода, который отдает предпочтение «мозгу» и его представлениям.

В-третьих, человечество применило науку к природе, и природа была изменена им посредством науки, техники и труда, но оно почти не вышло за рамки первых и непосредственных последствий этого преобра-

зования, почти не рассматривая его следующие и отсроченные во времени последствия.

В-четвертых, тем более наука не обращалась к социальным последствиям труда и его следствиям, от разделения труда до классовой борьбы, лишая себя возможности взглянуть на отдаленные последствия производственной деятельности. Буржуазная экономическая наука, классическая политическая экономия, не могла пойти дальше. Для того чтобы управлять трудовой деятельностью человека по действительно осознанному плану, недостаточно знаний, необходимо переворачивать способ производства и социальный порядок.

В-пятых, отдельный капиталист заботится только о сиюминутной прибыли, а не о том, что впоследствии произойдет с товаром или покупателем. То же самое касается последствий для природы и, добавим, для самой человеческой природы.

Стивен Джей Гулд, один из новаторов теории Чарльза Дарвина, возможно, преувеличивает в своей научной признательности к Энгельсу, когда утверждает, что его прозрения в отношении теории эволюции подтверждены современными разработками этой теории.

Энгельс может ссылаться только на представления того времени, которые еще находились в зачаточном состоянии. Например, говоря о нежелательных последствиях в отношениях между человеком и природой, он упоминает связь между золотухой и появлением картофеля, что является настоящей ошибкой. Это тезис, все еще основанный на народных верованиях, которые будут опровергнуты научными разработками в области биологии и медицины о действии бактерий. Энгельс писал это около 1876 года; не могло быть науки до самой науки. Луи Пастер уже заложил основы микробной теории, но основополагающие открытия Роберта Коха в области туберкулеза по-

явились несколькими годами позже.

Что мы можем сохранить, так это основы материалистического метода, примененные к органической связи между человеком и природой. Здесь мы приходим к двум ключевым понятиям: мозг является социальным продуктом, а логика капитала, когда капиталисты хаотично стремятся к прибыли, действует без учета последствий для отношений между людьми и для самих людей, понимая под людьми также их биологическую природу. Однако современная нейронаука добавляет к интуиции Энгельса то, что в определенной степени мозг пластичен и изменяет свои связи в соответствии с деятельностью, осуществляемой социально детерминированными индивидами. Таким образом, мозг изменяется не в процессе биологической эволюции в строгом смысле, а в социальном смысле, в социально детерминированной деятельности индивидов. Это изменение нейронных сетей сопровождается более общим влиянием, которое общественные отношения оказывают на людей, определяя их сознание и приводя к тому, что господствующей идеологией становится идеология господствующего класса.

Необходимо рассмотреть три направления.

Энгельс говорит о руке, которая держит рабочий инструмент и вступает в диалектическую связь с развитием мозга, и это является основополагающим научным открытием. Речь идет о понимании того, что происходит, когда в этой руке больше нет куска кремня или каменного топора, а есть мобильный теле-

фон, и этот мобильный телефон оснащен искусственным интеллектом, то есть инструментом, сама природа которого предполагает вступление в тесную, органическую и прямую связь с мозгом того, кто держит его в руке.

Во-вторых, учитывая общественные отношения, в которых господствует капиталистический хаос и слепое стремление к переоценке отдельной доли капитала, необходимо понимать, как эти эффекты сетевой коммуникации и искусственного интеллекта подчиняются этой логике. Это относится как к антропологическому уровню, что касается человеческого состояния, связанного с технологиями, которые влияют на мозг и само понятие реальности, так и к социальному уровню, что касается отношений между классами. Достаточно вспомнить реструктуризацию производства и, в частности, влияние на интеллектуальную и служебную работу, или баланс между группами и фракциями правящего класса, который изменился с появлением платформ и гигантов сферы услуг и информации, обладающих огромными возможностями для обработки данных.

Наконец, в-третьих, в этом свете следует исследовать отношения с государством и системой государств - например, военное использование искусственного интеллекта - а также отношения между группами и фракциями правящего класса. Там, где возникает обсуждение платформ и искусственного интеллекта, это происходит в рамках противостояния внутри правящего класса.

Lotta comunista, январь 2026.

Содержание

Рука, мозг и искусственный интеллект	стр. 1
Атлантический кризис на грани катастрофы для Альянса	стр. 2
Американская рокировка на месторождениях Каракаса	стр. 3
Размышлять на десятилетнюю перспективу	стр. 4

Атлантический кризис на грани катастрофы для Альянса

Мы неоднократно упоминали меморандум, который Шарль де Голль представил американскому президенту Дуайту Эйзенхауэру в сентябре 1958 года, в начале Пятой Республики. Ссылаясь на «*недавние события*» Суэцкого кризиса 1956 года и на конфликт, разразившийся в Тайваньском проливе, когда Пекин подверг обстрелу острова Цзиньмэнь, де Голль счел недостаточными организацию и сферу компетенции НАТО, ограниченную Северной Атлантикой. Этот стратегический горизонт был слишком узким, как будто то, что происходит «*на Ближнем Востоке или в Африке, не влияет немедленно и непосредственно на Европу, и как будто неделимая ответственность Франции не распространяется на Африку, Индийский и Тихий океаны*». Предложение заключалось в создании трехсторонней директории между Францией, США и Великобританией, в рамках которой должны были обсуждаться и приниматься «*совместные решения*» по «*политическим вопросам, касающимся мировой безопасности*», а также реализовываться соответствующие «*стратегические планы действий*», особенно те, которые касаются применения ядерного оружия.

Этот директорий был отвергнут Эйзенхауэром. Генри Киссинджер склонен видеть в этом признак несоместности прагматичной американской политической культуры и глубины стратегического мышления генерала Де Голля. Само собой разумеется, что в этом отказе, по сути, заключался истинный смысл *действительного раздела* Европы между США и СССР, закреплённого в Ялте. Вашингтон не имел никакого намерения признавать стратегическое равенство Европы, и это остается верным до сих пор; все размышления в последующие десятилетия о трансформации атлантических отношений, о европейском требовании трансатлантической взаимности, об определении европейского столпа НАТО и сегодня об европеизации НАТО в основном вращались вокруг того вопроса, который был поставлен в 1958 году.

Однако сегодня нас интересует список и иерархия «*возможных театров военных действий*», которые должны были зависеть от директории:

- а) Арктика,
- б) Атлантика (Европа, Северная Африка, Средний Восток, Восточная Америка),
- в) Тихий океан
- г) Индийский океан (Индия, Мадагаскар, Центральная и Южная Африка).

Тот факт, что Арктика занимает первое место среди театров стратегического сотрудничества между Европой и Америкой, объясняется ролью, которую базы в Гренландии сыграли в охране трансатлантических маршрутов во время Второй мировой войны, и, прежде всего, новой важностью, которую этот регион приобрел в противостоянии с СССР в области ядерного сдерживания.

В октябре 1957 года, за год до подписания меморандума, Москва удивила Вашингтон запуском спутника, продемонстрировав свой потенциал в области межконтинентальных баллистических ракет (МБР). В августе 1958 года американским ответом стало пересечение Северного полюса под льдами Арктического бассейна атомной подводной лодкой «Наутилус». Это была впечатляющая демонстрация системы сдерживания, основанной на том факте, что подводные лодки невозможно было отследить: она вошла в состав ядерной триады как оружие второго удара. Первое пересечение

полюса было подводным, единственно возможным, и с ним была заявлена угроза атомных подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами и способных незаметно перемещаться из Атлантического бассейна в Тихоокеанский. Первой атомной подводной лодкой с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) была USS George Washington; вооруженная 16 ракетами Polaris A-1, она провела первое патрулирование с целью сдерживания с ноября 1960 года по январь 1961 года. Сегодня среди причин кризиса между США и ЕС по поводу Гренландии называют новую роль, которую могут приобрести трансполярные торговые маршруты (ТПП) по мере таяния арктических льдов в результате глобального потепления. Этот маршрут может иметь значение для Китая и России в рамках Северного морского пути (СМП), проходящего вдоль сибирского побережья, где Пекин мог бы избавиться от зависимости от Малаккского пролива и Суэцкого канала для достижения Европы. Остается спорным, действительно ли эта альтернатива имеет стратегическое значение, учитывая, что в зимний период этот маршрут недоступен, требует обслуживания трасс ледокольными судами и специализированными экипажами; и в любом случае Пекин оказался бы зависимым от суверенитета России.

Базы в Гренландии в контексте противостояния ядерных сдерживающих сил обладают совсем иной стратегической важностью, как с точки зрения систем раннего предупреждения при наблюдении за полярными траекториями межконтинентальных баллистических ракет, так и с точки зрения противоракетных систем. Сегодня это относится к России, но в перспективе будет относиться и к Китаю, поскольку к 2035 году ожидается, что китайский сдерживающий потенциал составит 1500 боеголовок, что соответствует текущему уровню развертывания российских и американских сил.

Если стратегическая значимость трансполярных торговых маршрутов остается неопределенной, то не вызывает сомнений то, что Гренландия станет ключевым фактором в трехстороннем противостоянии, которое начнется в этом десятилетии в области стратегического сдерживания. Тогда было бы возможно договориться об Арктике, о том совместном стратегическом интересе США и ЕС, о котором размышлял Генерал в 1958 году. Дональд Трамп имеет основания утверждать о важности арктического острова для Соединенных Штатов и для структур, связанных с *Golden Dome*. В новом нацеленном в будущем проекте противоракетного щита, для которого требуются многомиллиардные инвестиции, как будто возрождаются идеи СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), угроза космического щита, с помощью которого Рональд Рейган заставил Михаила Горбачева пойти на переговоры и в конечном итоге привел СССР к разорению в гонке вооружений. У европейцев есть свой контраргумент: они утверждают, что новая ситуация вокруг ракет с трансполярными траекториями касается НАТО в целом, поскольку потенциальная угроза нависает и над Европой.

Возможно, прагматический компромисс, который, кажется, был согласован между Трампом и секретарем НАТО, голландцем Марком Рютте, проложит себе путь, но все политические шаги, инсценированные в дипломатическом шоу американского президента, идут в противоположном направлении. При-

тязания на владение Гренландией как рациональный аргумент размывается в претензиях обитателя Белого дома с проблемной психологией. И даже не-нароком, требование американской исключительности в вопросах ядерного сдерживания, осуществляемого со льдов Гренландии, вызывает призрак *декуплинга*, вопроса о разделении стратегической обороны США и Европы, который на протяжении десятилетий определял трансатлантическую конфронтацию.

Тимофей Бордачев, директор программ Валдайского клуба, пишет во «Взгляде», что претензии США на Гренландию являются «*смертельным ударом по особому положению*» Европы, гораздо более серьезным, чем последствия для России и Китая, которые, по его мнению, не столь значительны, поскольку Вашингтон уже имеет военное присутствие на севере острова. Европейские государства построили свою внутреннюю легитимность на чувстве исключительности и *ценностном превосходстве*, но возможность того, что США могут отобрать у них территорию, глубоко подрывает этот образ, приближая их к положению таких стран, как Венесуэла, Ирак и многие другие, на которые Вашингтон нападает безнаказанно. По мнению Бордачева, европейские политики упускают суть. США хотят большего, чем прямой физический контроль над Гренландией; они стремятся прежде всего подтвердить «*пренебрежение любыми нормами, кроме своих внутренних правил*», что является центральным вопросом внутренней легитимности Трампа, имеющим исторические корни в американской политической культуре.

Говорить о свободе от «*норм*», отметить, означает ставить под сомнение союзнические связи. Находится ли атлантический кризис на пороге окончательного и катастрофического исхода? Этот вопрос находится в центре европейских дебатов. *Board of peace*, открытый в Давосе — очень американская фантазия частной ООН, находящаяся на полпути между советом директоров и столом казино, с минимальной ставкой в миллиард долларов — поражает трансформацией по сравнению с предыдущим эпизодом дипломатического шоу, инсценированного для плана «*вечного мира*» в Газе. В Шарм-эль-Шейхе были задействованы европейские союзники, и была также принята франко-саудовская просьба включить ООН в мирный процесс. В Давосе США не только представили себя в качестве альтернативы ООН, перейдя от посредничества на Ближнем Востоке к претензии на умиротворение всего мира, но и решающим фактором стало то, что там не было ни одного из исторических союзников США — ни европейцев, ни Японии. Понятая буквально коалиция *Board of Peace* превращается в угрозу для Атлантического альянса и японо-американского договора о безопасности.

Повторим, понятая буквально, что в случае с Трампом совсем нельзя быть уверенными. В любом случае, решающим фактором в европейской дискуссии является различие между теми, кто принимает предсказание о конце Атлантического альянса, и теми, кто, по крайней мере из необходимости, хочет сохранить его, пусть даже трансформацией европейского стратегического суверенитета. Другими словами, гарантированным перевооружением, как обычным, так и ядерным, на чем сходятся обе позиции.

Премьер-министр Канады Марк Карни, бывший управляющий Банка Англии, стал героем дня на Всемирном

экономическом форуме в Давосе. Вернувшись из Пекина, где он восстановил «*стратегическое партнерство*» между Канадой и Китаем, Карни заявил, что «*средние державы*» должны организоваться, чтобы диверсифицировать отношения с Америкой, обратившись с призывом к ЕС, Японии, Индии и Южной Корее, но добавил, что в настоящее время происходит не просто «*трансформация*», а «*разрыв*» со старым порядком. Именно с этим не согласна Кристина Лагард, глава ЕЦБ: «*Я не уверена, что следует говорить о разрыве*».

По мнению Генриха Вефинга из «Die Zeit» проблема заключается в окне уязвимости, открывающемся для Старого Света. Несомненно, Европа должна избавиться от стратегической зависимости от Америки, но для отделения потребуется «*до десяти лет*». Решением является двусторонняя стратегия, «*сочетание выравнивания и дистанцирования от Соединенных Штатов*». В итальянской дискуссии высказываются мнения, близкие к тезисам Джампьеро Массоло, бывшего генерального секретаря Министерства иностранных дел Италии, которые были дословно изложены в газете «*Corriere della Sera*». Перебалансировка и трансформация атлантических отношений, а не их разрыв, также лежат в основе соглашения между Римом и Берлином, заключенного между Фридрихом Мерцем и Джорджией Мелони.

Провозглашенная в NSS, национальной стратегии безопасности, истинная сила наступления Вашингтона на ЕС заключается в том, что политическая слабость Европы, включая Великобританию, является неоспоримым фактом, особенно если ее измерять в контексте внутренних политических циклов ее столиц. С другой стороны, именно специальные инициативы государств, как пресловутые «*Желающие*» по Украине или согласовываемая в настоящее время координация европейских мер сдерживания, позволяют обойти медлительность процесса принятия решений на уровне 27 стран.

Совместный итальянско-германский документ о конкурентоспособности напоминает пакт Гендера-Коломбо 1981 года, названный в честь двух министров иностранных дел того времени, который способствовал возобновлению европейского процесса. В Давосе Мерц вспомнил о 1980-х годах, когда на «*евросклероз*» ответили Белой книгой Жака Делора и «*проектом единого рынка*» со сроком реализации до 1992 года. Части доклада Драги и доклада Летта должны быть включены в план Европейского совета в соответствии с практическим подходом, который, по-видимому, соответствует предложениям Риккардо Периссича, генерального директора Комиссии ЕС во времена плана Делора.

В то же время соглашения о свободной торговле с МЕРКОСУР, несмотря на задержку в Европейском парламенте, и, прежде всего, соглашение с Индией демонстрируют уверенную стратегическую инициативу Комиссии и Совета в ответ на протекционизм Трампа.

Прагматический федерализм, предложенный Марио Драги, похоже, набирает обороты; в преобладающем консенсусе он должен будет способствовать восстановлению баланса в отношениях с Соединенными Штатами. При условии, что потрясения в Вашингтоне не приведут к катастрофическому обострению кризиса в Атлантике.

Lotta comunista, январь 2026.

Американская рокировка на месторождениях Каракаса

Объявив о резком увеличении военных расходов с 1 до 1,5 триллиона долларов США в 2027 году, Дональд Трамп возобновляет лидерство США в цикле перевооружения. Трамповское перевооружение должно быть одобрено Конгрессом, где пока что только главы комитетов по вооруженным силам высказались в его поддержку. Независимо от того, найдут ли эти цифры немедленное отражение в бюджетах Пентагона, они, тем не менее, свидетельствуют о стратегической перспективе, которую Вашингтон намерен предотвратить.

С одной стороны, выделив 5% ВВП, США обеспечат себе на ближайшие годы расходы, превышающие сумм расходов трех преследователей — Европы, Китая и России, и в этом смысле залог в первую очередь связан с многополярной динамикой. С другой стороны, с точки зрения американской политической культуры, склонной придавать количественное измерение международным узлам, можно думать о сдвиге, аналогичном приостановке британского Ten-year rule (десятилетнего правила) в 1932 году, когда Маньчжурский кризис заставил Лондон считать вероятной большую войну в течение следующих десяти лет. Масштабы увеличения расходов указывают на то, как нарастающие напряженности, от которой Америка намерена защититься, должно быть спрогнозировано как во времени, так и в пространстве.

Среди комментариев показательным является одобрение Washington Post, поскольку оно указывает на изменение по сравнению с доктринами превентивной войны начала века, когда бесспорное превосходство США позволяло исключить возможность того, что потенциальный противник будет стремиться к равенству, не будучи предварительно сдержанным. По мнению газеты, до сих пор Америка могла подчеркивать свое военно-технологическое превосходство в ряде операций, которые стали возможными благодаря широкому глобальному развертыванию; вспомним бомбардировки Ирана в июне или авиационную и морскую поддержку блицкрига в Каракасе. И в этом, как мы замечаем, увеличение расходов отвечает на разрастание войн кризиса мирового порядка.

Угроза будущего «затяжного конфликта с Китаем» ставит не только качественную, но и количественную проблему: в частности, вопрос о сроках перевооружения. И здесь — по мнению ежедневника эстаблишмента — Соединенные Штаты должны «немедленно начать тратить деньги». Ограниченные войны и большая война — это два возможных пути развития кризиса мирового порядка, и для американской буржуазии речь идет о том, чтобы подготовиться к обоим одновременно. Чтобы не быть застигнутыми врасплох в будущем, США должны сохранить преимущество в нынешней гонке вооружений.

Вмешательство США в Венесуэле, сопровождавшееся блестящим захватом Николаса Мадуро и попыткой контролировать правительство извне, свидетельствует о мутации в отношении сил в связи с крошечной войной в рамках специальной операции в Карибском бассейне и сдерживанием со стороны Китая. Статья Арриго Черветто от июня 1982 года, посвященная войне за Фолклендские острова, позволяет более подробно рассмотреть этот вопрос.

Предпосылкой является связь между «малыми войнами» и общим характером противостояния. Черветто пишет: «Техника внезапного нападения, примененная в Маньчжурии, положила начало 30-м годам, которые завершились началом Второй мировой войны. 80-е годы продолжаются, пока что, по аналогичному сценарию, хотя пока еще нет достаточных оснований предполагать, что они закончатся аналогичным образом».

Англо-аргентинская война последовала через два года после вторжения России в Афганистан, положившего начало нового противостояния 1980-х годов. «Империалистическая борьба за сферы влияния», — продолжает Черветто, — все еще имела широкое поле для выражения в расширении мирового рынка, где преобладала либеристская тенденция: «Еще не нужен тот протекционизм, который в империалистической системе делает неизбежным общий военный конфликт». В том контексте атака аргентинских генералов мог привести к частичной войне, а не к общему конфликту.

Отметим, между прочим, что в том десятилетии знак рейгановского перевооружения был ответом на восхождение Германии и Японии в рамках либеризма. Сегодня трамповское перевооружение направлено против Китая, Европы и самой Японии в сочетании торговых войн, экономического национализма и вооруженного либеризма. Возвращаются дирижистские инструменты в промышленном противостоянии и борьбе за сырье; переопределяется ядерное сдерживание в Европе, Азии, на Ближнем Востоке и в Америке. Кризис порядка вызывает череду переворотов и локальных войн, но больше нельзя исключать общего возвращения протекционизма и войны между великими державами. Эта амбивалентность, как мы уже писали, будет в какой-то мере общим признаком противостояния.

Черветто цитирует статью Раймона Арона, который в мае 1982 года в журнале L'Express писал о «малых войнах», «локальных конфликтах», которые в то время свидетельствовали «о глобальном беспорядке, а не о приближении общей войны». Далее следует соображение, актуальное и сегодня: «То, что Р. Арон называет «малыми войнами», конечно, не является «большой войной», но, если внимательно присмотреться, это «большая война» в миниатюре и идеальная серия генеральных репетиций. Стратегическое и тактическое использование вооруженных сил и логистической организации, применение и испытание новых систем вооружения, мобилизация внутренних фронтов, выборочное использование информации для легко поддающейся влиянию широкой публики, массовое распространение националистических идеологий: любой, кто имеет минимальные исторические знания, сталкивается с более чем известной последовательностью событий и остается под впечатлением от полного отсутствия новизны». Фолклендские острова стали успехом для французских ракет Exocet, которые аргентинцы использовали против британских эсминцев. Украина и Газа являются испытательными полигонами для дронов и искусственного интеллекта, но также и для инструментов военной пропаганды и религиозной индоктринации. Не случайно Церковь

вновь возвращается к размышлениям о своем опыте, накопленном на протяжении веков и континентов, а также о капелланах для буржуазии. Что касается Венесуэлы, то в комментариях просматриваются как признаки упадка Америки, так и признаки ее контрнаступления.

Тогда можно выделить еще два элемента из международных дебатов. Первый касается американской доктрины безопасности и вопроса об импульсивных действиях президента. По мнению Доминика Моиси, который был учеником Арона, вмешательство США в Венесуэле носит оборонительный характер и свидетельствует о закате США. Претензия на «следствие Трампа» из доктрины Монро вновь подтверждает методы раннего американского империализма, но «есть существенная разница между эпохой Теодора Рузвельта и эпохой Дональда Трампа»: «В начале XX века Америка была восходящей державой, которая готовилась стать гегемоном. Сегодня, несмотря на свои военные успехи, она является державой в упадке, которая должна считаться с подъемом страны, которая вполне может стать гегемонистской державой завтра: Китаем». По мнению Моиси, умножая военные операции на различных фронтах, Вашингтон рискует ускорить угасание, а не замедлить его.

Чжао Минхао, заместитель директора Центра американских исследований Фуданьского университета в Шанхае, считает Национальную стратегию безопасности США (NSS) противоречивым документом, поскольку «она отражает огромную напряженность в США между поиском «пост-гегемонистского порядка» и сохранением своего глобального господства». По мнению Чжао, администрация Трампа «стремится к «стратегическому сокращению», но в то же время и к экспансии», где американские интересы сталкиваются с влиянием Китая. «Раненая сверхдержава» США выигрывает время, чтобы «усилить контроль над западным полушарием» и перестроить альянсы. «Это стратегический отступление, чтобы продвинуться вперед в долгосрочной перспективе».

Хотя NSS не определяет Китай как угрозу, это хорошо читается «между строк». Вашингтон не примет равноправный многополярный мир; он расширит военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе; будет противодействовать «враждебному иностранному влиянию» в Латинской Америке. Приобретение ключевых минералов и контроль над стратегическими ресурсами считаются необходимыми для конкуренции с Китаем. Чжао не удивлен, что военная операция в Венесуэле нацелена на «захват» нефти.

Второй момент, заслуживающий внимания, касается контроля над нефтяными запасами Каракаса, крупнейшими в мире, и стратегической игры с китайским Драконом. Здесь, как и в шахматах, рокировка может быть не только защитным, но и наступательным ходом. Атака в своем «палисаде» США напоминает противникам и союзникам о непреодолимых военных возмож-

ностях угасающей сверхдержавы, но также подтверждает статус США как сверхдержавы энергетической. Добыча газа и нефти — это не столько проблема подтвержденных запасов, сколько проблема капиталовложений. Говорят, что, интегрировав в среднесрочной перспективе венесуэльские ресурсы в сферу поставок США, Вашингтон сможет действовать на благоприятной для себя территории углеводородов, чтобы помешать проникновению Китая в Латинскую Америку и оказать сильное влияние на мировой энергетический рынок.

Клод Леблан, представляющий газету L'Opinion, оспаривает более ограниченные точки зрения, согласные которым влияние на Китай будет осуществляться через прямые поставки нефти, которые Трамп обязался не прекращать. Во-первых, стратегия диверсификации Пекина в последние годы снизила такую возможность. Во-вторых, США приобрели бы такое положение, которое позволило бы им более широко влиять на мировые курсы. Длительная борьба между великими державами с помощью нефтяного оружия готовит почву для новой битвы за месторождения Южной Америки. США будут бороться там за свое удержание позиций и сдерживать рост Китая. По мнению Nikkei, рейд в Каракасе позволяет приобрести козырь для переговоров, который можно противопоставить китайскому козырю «редкоземельных металлов». По мнению The Hindu, на карту поставлено не только нефть, но и финансовая архитектура «нефтедоллара», подрываемая китайским юанем и электромобилями.

По сравнению с 2003 годом, когда превентивная война в Ираке пыталась упредить действия Европы и Китая, захватив артерию Персидского залива, здесь подтверждается преимущество значимости стратегического использования черного золота над простым владением сырьем. Однако цикл перевооружения в условиях кризиса мирового порядка вновь подчеркивает военный аспект контроля над ресурсами. Пекин, как мы уже задокументировали, сокращает свою зависимость «на случай войны» и изучает таблицу элементов; Вашингтон считает все полушарие сферой своих национальных интересов безопасности и перестраховывается в энергетической сфере.

Это имеет отношение и к попыткам реиндустриализации США, предпринятым администрацией в свете военного вызова со стороны Китая. Об этом говорится в редакционных статьях The New York Times, собранных под громким заголовком «Превзойденный»: «Страна, которая сможет производить больше — сталь, самолеты, ракеты, компьютерные чипы — выиграет долгую войну. Когда-то Америка была мировой промышленной сверхдержавой. Сейчас она обеспечивает лишь 17% мирового производства. Китай контролирует 28% и его преимущество растет».

Было неизбежно, что в борьбу будет втянута и нефть, старое оружие спора.

Lotta comunista, январь 2026.

Размышлять на десятилетнюю перспективу

Нужно оценивать текущий момент в десятилетней перспективе, потому что происходящие изменения уже влияют на картину мира. В ближайшие десять лет по всем меркам Китай экономически превзойдёт Соединённые Штаты. Китайский флот будет обладать шестью, а может, и девятью авианосцами – в сравнении с одиннадцатью под командованием Вашингтона на данный момент. Также Китай расширит свой ядерный боезапас до 1.500 боеголовок, достигнув нынешнего уровня США и России. Америка, чтобы выстоять в трёхполярном противостоянии, планирует увеличить свой до 3.000 боеголовок. Европейский империализм не останется позади, потому что планирует удвоить военные расходы и уже размышляет о том, как бы слепить *европейскую бомбу* на основе французских и британских ядерных сил. *Пузырь искусственного интеллекта* лопнет, но оставит после себя группу гигантов, что будут делить мировой рынок. Сегодня 6 миллиардов человек имеют доступ в интернет, 5,8 миллиарда имеют мобильный телефон, более 5 миллиардов пользуются социальными сетями, 1,3 миллиарда прибегают к помощи искусственного интеллекта. Через десять лет практически все взрослые и подростки будут обладать мобильником с функцией ИИ, и таким образом почти каждый мозг получит свой электронный протез. Искусственный интеллект ворвётся в производство и сферу услуг, нарушит работу в офисах и значительной части фабрик. Наш класс наёмных рабочих продолжит количественно усиливаться, прирастая десятками миллионов человек ежегодно, и через десять лет переступит через отметку в 2,5 миллиарда. Продолжится демографическая зима. Несмотря на расистскую демагогию – которая бывает даже смертельно опасной, как доказывает пример Миннеаполиса, – Америка, Европа, Япония, Россия и, возможно, даже Китай будут сражаться за миграционные потоки.

Произойдёт и много других трансформаций, но мы не знаем, какую они примут форму и интенсивность. Продолжится цепь *маленьких войн кризиса порядка*, останется возможной перспектива *большой войны*, но мы не знаем, где и как будут разыгрываться войны и перемирия в борьбе за передел мира. Государства погрузятся в цикл перевооружения и, вероятно, снова будут рассылать повестки на военную службу. Баланс сил между державами будет проходить зону турбулентности, но мы не знаем, поставит ли *атлантический кризис* под вопрос существование НАТО и в какой мере империалистическая Европа утвердит свою автономию. Мы также не знаем, сколько времени продлится неопределённость *кризиса порядка*; размышлять на десятилетнюю перспективу – не значит отмерять минуты до “дня икс”. Однако мы точно знаем, что интернационалистическое сражение должно отвечать на новые вызовы. И уже с сегодняшнего дня.

В Италии новый бюджет. Он был хорошо встречен, потому что предполагает поддержание здоровья государственных финансов. Марко Фортис, директор и вице-президент Fondazione Edison, подчёркивает, что Италия является единственной страной “Большой семёрки”, имеющей первичный профицит бюджета, то есть исключаящий процент по долгу. Более того, госдолг вырос меньше, чем в других странах, хотя в отношении к ВВП и остаётся на много более значительным (*Il Sole-24 Ore*, 2 января).

Падение зарплат

С передовицы *Il Foglio* от 30 декабря Марко Леонарди, профессор политической экономии в Миланском университете и бывший глава департамента экономического планирования в правительстве Драги, указывает на скрытую сторону “успехов”: «Все обходят молчанием падение зарплатных плат».

Наблюдение является уместным: во времена лиры экономика Италии старалась оставаться конкурентоспособной, периодически девальвируя свою валюту; с евро этого больше никак не сделать. Но здесь есть скрытый аспект: тот же результат сегодня достигается отчасти благодаря падению зарплат, которое понижает расходы предприятий и государства. Леонарди оценивает ущерб для рабочих в 8 % их зарплат с 2019-го по 2024 год, что является «почти исключительным случаем в Европе». Можно также подсчитать, что экономия на зарплатах госслужащих составляет как минимум 1,5 % бюджета. Этот аспект тоже обходят стороной, когда идёт речь о “прекрасном” состоянии государственных финансов.

“Техника”, сделавшая ситуацию возможной, – это повсеместный перенос перезаключения национальных контрактов, о чём мы уже писали: замороженные в 2022–2023 годы высокой инфляции, переговоры возобновились только в 2024–2025 годы, когда инфляция снизилась до 2 %. Таким образом, потерянное не вернуть, отсюда и 8 % падения зарплат.

Как подчёркивает автор, это «политически неудобный просчёт для

всех», потому что его и «обходят молчанием». В неловком положении оказалось правительство, которое хвасталось, что Италия – это «страна-образец, что касается государственных финансов, спреда [разницы между процентом по итальянским и немецким гособлигациям], стабильности и занятости». Неловкость также испытали промышленники, что «пропустили самое важное событие, а именно возвращение инфляции». Наконец, в неудобном положении оказались профсоюзы, которые не смогли мобилизовать необходимые силы, «хотя и знали о проблеме».

Алиби производительности

Чтобы избежать вопроса о зарплатах, они пустились в строительство «цепочки алиби», самое важное из которых касается низкой производительности – ничего нового. За аксиому принимается тезис, что заработная плата может увеличиваться только при росте производительности, то есть только в качестве “возмещения”, причем частичного, за то, что работник производит сверх нормы. Однако и в этом случае счёта не сходятся. И снова Леонарди задевает больной вопрос: верно, что производительность снизилась как в 2023-м, так и в 2024 году (на 2,7 и 1,6 % соответственно), но это произошло из-за «роста занятости в секторе услуг, в сферах с меньшей добавленной стоимостью»; то есть речь не идёт о снижении производительности тех, кто уже был занят, и «не оправдывает сокращение реальной заработной платы».

Более полувека назад на страницах *Lotta comunista* мы разоблачали старое проклятие низких зарплат и низкой производительности, связанное с межклассовой защитой уменьшенного размера предприятий. Можно было бы удовлетвориться тем, что отныне всё широко признано; да только признание случилось слишком поздно, и, самое главное, платить снова будут рабочие.

Сальваторе Росси, бывший генеральный директор итальянского Центробанка, соглашается, что малые размеры предприятий являются «многодесятилетней проблемой» (*La Stampa*, 9 октября 2025 года) и что, следовательно, «в вечной борьбе меж-

ду заработной платой и прибылью вторая в последние годы побеждала». Ответственность за этой лежит и на итальянских профсоюзах, что, «кажется, больше следует эмоциям народа, вызванным внешними факторами» (читай: кампаниями парламентских партий), чем «преследуют задачи, для которых были созданы, а именно защищать наёмного рабочего в конфликте с капиталом».

Стоит также сказать, что слабость общественной реакции вызвана в том числе расширением числа семей с различными источниками дохода и ренты, что смягчают эффект от падения зарплат. Даже управляющий Банком Италии Фабио Панетта обращает на это внимание: помимо налоговых мер, увеличение занятости, то есть поступление доходов из других источников, приводит к тому, что «реальный располагаемый доход домохозяйств вернулся к уровню до инфляционного шока, компенсируя падение покупательной способности и налоговое выкачивание» (*Il Foglio*, 16 января).

Более тяжёлый цикл

Также и в Германии, индустриальном сердце Европы, перед профсоюзами стоят важные задачи в условиях реструктуризации промышленности, которая привела к потере 120 тысяч рабочих мест в прошлом году, из них 50 тысяч в автопроме (*Le Monde*, 4 декабря).

Рабочим говорят, что они должны осознать конец цикла и начало нового, более тяжёлого. Андреа Налес, бывшая министр труда и председатель СДПГ и ныне глава Агентства по труду, предупреждает, что «надёжная работа ушла в прошлое» (*Handelsblatt*, 29 декабря): рынок труда «на протяжении многих месяцев остаётся твёрдым, как гладильная доска». Что делать? Указание ясно: нужно работать больше.

Хайнер Кох, католический архиепископ Берлина, даёт своё благословение: прошли времена улучшений, когда становилось «больше мира, больше процветания, больше безопасности», прошли для всех. «Молодёжь должна будет работать больше, пенсии не смогут расти, как раньше» (*Handelsblatt*, 22 декабря).

Катерина Райхе из ХДС, министр экономики, предлагает сделать законы о труде более гибкими, чтобы облегчить увольнения и стимулировать реструктуризацию. Она представила свои предложения во время совещания, названного «Социальная экономика во времена потрясений» (*Handelsblatt*, 12 декабря).

Промышленники, с их стороны, ожидают, что профсоюзы проявят «чувство ответственности». Хаген Леш, экономист связанного с промышленниками института IW, представляя доклад об увеличении числа стачек в Германии с начала века, сообщил о своём расчёте на то, что профсоюзы «проявят чувство ответственности». В пример он привёл профсоюз химиков (IG BCE), который пришёл на новые переговоры по контракту «без определённого требования в процентах [по увеличению зарплат], показывая свою готовность к уступкам» (*Handelsblatt*, 23 декабря).

Интернационалистическое дыхание

Стоит сказать, что немецкий профсоюз, социал-империалистический характер которого хорошо известен, привычен совмещать серьёзные требования и «чувство ответственности». В нынешних обстоятельствах последнее также принимает форму протекционизма.

Франк Селл, председатель совета фабрики Bosch, жалуется, что Европа – единственный континент, «который не защищается», в отличие от американцев и китайцев (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 23 декабря). Профсоюз металлистов IG Metall в своём коммюнике от 7 ноября напоминает, что уже долгое время сражается за улучшение «рамочных условий» в Берлине и Брюсселе; он позитивно оценивает предложения Европейской комиссии, что «стремится лучше защищать посредством пошлин национальную металлургическую промышленность от субсидируемого и дешёвого импорта».

В этих условиях становится неотложным придать интернационалистическое дыхание борьбе за заработную плату и рабочие места, иначе она станет инструментом борьбы держав в кризисе порядка и его войнах: коммерческих, монетарных и военных.

Lotta comunista, январь 2026.